

Юрий ДЮЖЕВ
г. Петрозаводск

ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ

*Продолжаем знакомить читателей
с фрагментами книги,
над которой работает
известный карельский литературовед
и критик*

Юрий Иванович Дюжев.

*Книга посвящена жизни и творчеству
народного писателя Карелии
Якова Васильевича Ругоева.*

*О начале творческого пути
писателя шел рассказ в главе,
опубликованной в «Севере»*

№ 3-4 за 2011 год.

**В новой публикации Яакко Ругоев предстает
перед читателем**

**военным корреспондентом,
начинающим литератором, выпускающим
свою первую книгу.**

**Тут же впервые публикуются
письма Николая Гиппиева
Яакко Ругоеву.**

*«За время своей работы считаю положительным,
что познакомил национального читателя с деталями
и событиями Отечественной войны, выделил
из людской массы добрый десяток героев –
защитников Родины – наших карельских ребят».*
**(Я. Ругоев. Запись в дневнике от 31 декабря
1943 г. // НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 672. Л. 75)**

Яакко Ругоев вошел в корпус военных журналистов с желанием раскрыть нравственную силу и красоту воина-освободителя, рассказать правду о героическом сердце народа, вынесшем все испытания и не утратившем высоких человеческих достоинств. «В добрый час, воины Севера! – писал И. Эренбург. – О вас мало говорят, о вас много думают. О вас еще будут говорить: и мы, и дети, и дети детей».

Раскрытие человека прежде всего в крутом водвороте боевых схваток определяют «событийность» военной журналистики, документальное отображение фронтовой жизни. В предисловии к сборнику «На Карельском фронте» подчеркивалось, что основным достоинством книги является «то, что здесь нет ни одного вымышленного факта, ни одной придуманной фамилии»¹.

¹ На Карельском фронте. Архангельск, 1941. С. 3.

Литература, рассказывающая о героических делах солдат и офицеров военного Севера, насчитывает тысячи произведений. О ратном подвиге воинов Карельского фронта писали журналисты и литераторы, сотрудничавшие в газетах «В бой за Родину», «Часовой Севера», «Северная вахта» и других. Это поэты Н. Букин, А. Жаров, В. Заводчиков, Б. Кежун, А. Коваленков, К. Симонов, Р. Троянкер, П. Шубин; прозаики И. Бражнин, Н. Вирта, П. Лукницкий, Г. Фиш, Г. Холопов и другие.

Участвовали в боях на Севере карельские литераторы: Александр Иванов, Николай Гиппиев (Лайне), Михаил Сысойков, Алексей Титов; прозаики Дмитрий Гусаров, Пекка Пертту, Виктор Соловьев, Ортье Степанов, Антти Тимонен.

Когда в 1943 году ЦК компартии республики решил провести в Беломорске совещание фронтовых писателей, то в ходе его подготовки выяснилось, что на Карельском фронте постоянно находилось свыше 50 писателей. Часть из них проживала в Беломорске (куда после оккупации Петрозаводска переехало партийное и советское руководство Карелии). Среди них были карельские писатели: А. Эйкия, Т. Гуттари (Л. Хело), Х. Тихля, В. Чехов, А. Линеvский, С. Норин, Ю. Никонова, сказители Ф. Свиньин, А. Пашкова, Ф. Быкова, П. Рябинин-Андреев, критик В. Базанов. Вместе с Я. Ругоевым мечтали стать членами Союза писателей писавшие на финском языке молодые литераторы В. Эрваси, Л. Гренлунд, А. Тимонен, Н. Гиппиев.

Отвоевавшему полтора года в истребительном батальоне и партизанском отряде Яакко Ругоеву предстояло стать своим в этом многочисленном журналистском и писательском цехе, завоевать право на издание книги. И он с присущей ему энергией стал осваивать новую для него профессию военного корреспондента и одновременно собирать воедино очерки и рассказы первых двух лет войны для публикации сборника в расположенном в Беломорске книжном издательстве. Об этом – записи в дневнике:

«21 января 1943 г. Сегодня на бюро ЦК ВКП (б) утверждали меня военным корреспондентом «Totuus». Генерал-майор Куприянов задал мне несколько вопросов. Получил карточки на столовую на три дня. Потом где – не знаю. Возможно, буду получать продовольствие по военной линии. Сегодня сфотографировался. Написал очерк «Устья Егоровна» и письма Фене, Марии, дяде Макару. Сейчас уже восемь часов. Надо отдыхать.

23 января. Вчера – выходной. Но я пришел в редакцию. У Ивана взял оставленные Николаем мои бумаги – старые рассказы и записи. Разобрал их. Более ценное оставил. Ненужное – в огонь. Напи-

сал еще несколько писем. Сегодня написал очерк «Командир» – для сборника и газеты. Начал уже подготовку сборника. Сначала дал для прочтения т. Сюкияйнену, потом дальше – что решат делать. Сегодня получил из «Ленинского знамени» гонорар за рассказ «Душа» – 60 руб.

2 февраля. Всё еще окончательно не оформил своих дел. Вообще, все документы уже получены – осталось оформить снабжение по воинской линии. Сейчас я опять солдат – с погонами. Сейчас пишу рассказ «Мечь» для сборника, утвержденного в ЦК. Мой сборник уже сдан в издательство. Опубликовали мой очерк «Устинья».

12 февраля. Сегодня день, полный беготни туда-сюда. Получил обмундирование (хорошее, всё новое), продукты, документы. Жаль, что из дому от Нику не получил никаких известий. Но самое главное – увижу своих товарищей, только времени маловато – ко дню Красной армии придется доставить материал в редакцию. Во время командировки думаю достать побольше материала и новых ощущений, чтобы мог начать порученную мне Иваном Яковлевичем задачу – написать историю нашего отряда. В последние дни читал генерал-майора Игнатьева «59 лет в строю», третью часть. Ристо и Ауне послал книги, пускай читают – веселее будет им и быстрее проходит время в ожидании лучших времен. После командировки думаю попросить отпуск – поеду к ним посмотреть, как они живут.

Сборник рассказов издательство передало для прочтения Мелентьеву и Куусинену, после командировки делаю договор с издательством. Потом возьмусь за более серьезную работу – за трилогию о молодом человеке нашего времени.

18 марта. Беломорск. Дописал и сдал редактору сборник рассказов «Возмездие» и для газеты три статьи. Получил документы и продукты. Около восьми поехала со мной семья: мама, Ауне, Ристо, Аксенья с Иваном и Хельми, Калле Эрикович. В Кеми они ночевали в доме МТС, а я у Семена Михайловича.

19 марта. В Кемском ЛПХ. Маме направление в Панозеро, дети – в школу. Им обещали хлебные карточки по 800 грамм. И машины для проезда до Шомбы. Мы с Калле Эриковичем поехали, ждали у Валтоны два-три часа машину. Потом приехала машина. В Авнепороге посетили школу»².

Все дневниковые записи и нижеследующие письма приводятся в авторской редакции. И пусть читателя не удивляют некоторые стилисти-

² НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 672. Л. 52-56. Упомянутые в дневниковых записях Ауне, Ристо (Григорий), Нику (Николай) – это сестра и два брата Я. Ругоева – прим. Ю.Д.

ческие огрехи. Они объясняются фронтовой обстановкой и, может быть, отсутствием времени на литературную обработку.

В приведенных дневниковых записях отражены всего лишь два месяца жизни Я. Ругоева, но они дают представление о присущей ему энергии и целеустремленности. Еще не остыв от впечатлений последнего партизанского похода, он с жаром принимается за освоение новой для него профессии военного корреспондента и одновременно находит время и силы для оформления рукописи очерков и рассказов и продвижения её в печать, знакомя с содержанием будущей книги секретаря ЦК компартии И.И. Сюкияйнена. После одобрения рукописи председателем Президиума Верховного Совета республики О.В. Куусиненом перед вчерашним партизаном открывается зеленый свет на пути в издательство. Решив этот вопрос, Я. Ругоев предпринимает шаги для вызволения из архангельской деревни оказавшейся в тяжелейших условиях своей семьи и лично сопровождает родных до места назначения, обеспечивает их жильем и хлебными карточками. В эти же два месяца Я. Ругоев успевает съездить в командировку в Хайколя, встретиться на партизанской базе с боевыми друзьями по отряду «Красный партизан» и подготовить для газеты несколько статей. Чтобы помочь народной сказительнице М.И. Михеевой, Я. Ругоев пишет обращение в Карельский научно-исследовательский институт культуры (после временного прекращения своей деятельности институт возобновил её в Беломорске в конце декабря 1942 г.) с просьбой внимательно отнестись к сделанным от неё фольклорным записям.

В 1943 году Я. Ругоев напечатал в газете «Totuus» 14 статей, очерков и корреспонденций и два стихотворения, опередив Т. Гуттари (8 стихотворений) и А.Тимонена (4 очерка). Но понятная для молодого журналиста жажда публикаций нередко вела к репортажности, газетной невыразительности публикуемых им текстов. В тот момент рядом не оказалось и хорошего наставника. Служивший в штабе Карельского фронта Т. Гуттари в декабре 1942 г. был из действующей армии отправлен в запас, уехал в город Мелекесс, откуда вернулся в Беломорск лишь 7 сентября 1943 г. В это непростое время праздником для Яакко стали письма его друга Николая Гиппиева, тоже воевавшего на Карельском фронте. Н. Гиппиев начал печататься примерно в одно время с Я. Ругоевым. Небольшая разница в возрасте (Н. Гиппиев родился в селе Реболы в 1920 г.) и общие интересы землячества сдружили их еще в школьные и студенческие годы. Впервые публику-

емые письма Н. Гиппиева Я. Ругоеву дают представление о творческой и житейской атмосфере военных лет, о жизни молодых журналистов, которые «к стыку приравняли перо»³.

«Мысль твоя – показать нашего карела во всем величии его духа – очень хорошая»

(письма военных лет Н. Гиппиева – Я. Ругоеву)

Письмо от 22 марта 1943 г.

Дорогой друг Яша!

Сегодня получил от тебя письмо, которое бог знает где путешествовало больше чем полгода. Найдет ли этот ответ тебя, не знаю, но все же пишу. Да, Яша, много времени протекло со дня нашей последней встречи. Сколько дорог перехожено, сколько тропинок протоптано – сам черт не разберет.

Вкратце о себе. С 1939 года я без отрыва нахожусь в армии. С первого дня войны – на фронте. Всё то, что я пережил за это время, трудно описать, да и нельзя. Сейчас писать об этом не буду. Как только получу от тебя ответ – сразу напишу целую тетрадку. Скажу только одно: я уже забыл, что когда-либо испытывал такое удовольствие, как сейчас, читая твое письмо.

Яшуха! Пиши, пожалуйста, на русском языке. Ибо, очевидно, только потому и задержалось твое письмо, что оно было на финском языке.

Еще несколько слов. До весны 42 года я занимался только одним делом – был журналистом. А в настоящее время ты сам знаешь, где я и что делаю.

Ну, все на этот раз. Пиши, жду. Будь здоров и счастлив. Надеюсь, что после войны встретимся и как следует выпьем за победу. С горячим приветом друг твой Никола.

Письмо от 24 апреля 1943 г.

Здравствуй, дружище Джек!

Уж, право, и слов не найдешь, чтобы по-настоящему высказать то, как рад был я, получив твое письмо. Я тоже не надеялся так скоро узнать о тебе что-либо дополнительно к тому, что было сказано в предыдущем письме, которое путешествовало где-то чуть ли не полгода. Да чёрт с ним. Самое главное теперь то, что мы установили друг с другом связь. В дальнейшем надо постараться, чтобы она ни в коем случае не прервалась.

Несколько слов о своей жизни с того момента,

³ Письма Я.В. Ругоеву от Н.Г. Гиппиева // НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 1215.

когда у нас состоялась последняя встреча, по моему, в июле 1940 года в Петрозаводске, в саду отдыха.

Это было вскоре после того, как газета «Народная армия», в которой я занимал пост литературатора-инструктора, прекратила своё существование. Но мне без работы не пришлось быть. Как знаешь, меня оставили в армии служить действительную. Работал я с весны 1940 года литературным сотрудником газеты «За советскую Родину». Работа была интересная и весёлая. Брал от жизни все, что можно было, но в свою очередь отдавал всё возможное. К этому следует добавить, что в марте 1941 года я женился и теперь считаюсь по всем параграфам семейным человеком. В 1942 году, в то время когда я был на фронте, у меня прибавилась семья: родилась дочь, правда, она осенью того же года померла. Жена мобилизована, служит где-то в Карелии медработником. Пишет часто.

Дальше. До весны 1941 года занимался в газете «За советскую Родину». Война застала меня на поприще журналиста на границе и уже в первые днидохнула в лицо своими суровостями. Испытать пришлось много, не раз смотрел в лицо смерти, да все пока что прошло благополучно. В 1942 году в феврале стал кандидатом ВКП(б) и в том же году в июне членом партии. Работал всё в газете, присвоили звание политрука. Такая жизнь длилась до июня 1942 года. В июне уже попал на новое место и на новую работу, где нахожусь и сейчас. В редакции «Тотуус» хорошо знают, где я. Эрвасти тоже известно это.

1943 год ничего нового не дал. Теперь я лейтенант, работа идет хорошо (тебе должно быть ясно, что о своей работе я лично путного тебе не могу писать, как ты ни желал этого), пока что жив, здоров и невредим.

Плохо только то, что скучаю по журналистике. Тянет снова в газету. Так пишу только для себя, в печать в последний год не дал буквально ничего. Стал лириком. Вот прочти, что я теперь пишу:

*Может быть, ты в тихий зимний вечер
Скажешь мне – в стихах не звучный слог.
Что же делать? Я тебе отвечаю:
– Видно лучше написать не смог.
Ты смотри, и месяца тускло светит,
Одинаково не освещает путь.
Такова дорога всех поэтов,
Не успевших к счастью прильнуть.
Не всегда сумеешь нежным словом
Пережитые были рассказать.
Жизнь подчас становится суровой,
Что о ней не стоит и писать!*

И все в таком духе. Сам понимаю, что неправильно это, а пишу.

Из общих знакомых здесь нет почти что никого. Кроме Линко, Викстрема и Нуутинена – моё прямое начальство. Живут ничего, привет тебе и всем работникам «Totuus» от них. Друзей настоящих тоже нет. Я в настоящее время повинуюсь старому и довольно мудрому правилу: «Дружусь со всеми и ни с кем». И ничего. Получается. Был один хороший друг, да он погиб недавно.

Так и живу. Правда, было бы очень много, о чем писать, да сейчас никак не собрать всего в одну кучу, чтобы преподнести тебе во всем блеске. Ведь всегда так получается: встретишь хорошего товарища, друга жизни и молодости, и в первую пору не находишь общего языка, не сумеешь обо всем переговорить. Так и сейчас – столько времени прошло, столько в жизни пережито, на обочинах которых тебя ожидала всякая всячина, что и рассказать не в силах всего. В следующий раз больше.

Немного о ребятах. Очень рад узнать кое-что о них. Напиши, если сможешь, их адреса.

Ох! Да я стал совершенным чурбаном. Поздравляю тебя с правительственной наградой и сборником рассказов, который, надеюсь, будет и в моих руках при твоей помощи. Посылай мне, как только выйдет из печати.

Вообще, пиши, друг, больше и чаще обо всем. Где сейчас наши общие знакомые, в том числе Гуттари? Если помнишь по институту Э.Халонена, то он погиб уже в начале войны. О других ребятах и девушках ничего не знаю.

Посылаю с этим письмом свое фото, правда, неважное, но пойми – оно фронтовое.

Пиши. Буду ждать ответа с нетерпением.

Желаю успеха во всем. Будь здоров и счастлив.

С фронтовым приветом твой друг Николай.

Письмо от 19 мая 1943 г.

Добрый день, дорогой дружище Джек!

Прошло каких-нибудь 15 дней, и я получил твое письмо. Спасибо большое тебе, друг. Конечно, раз нам удалось установить связь, то будем ее держать бесперебойной, чего бы это ни стоило и куда бы нас судьба ни кидала. Давай договоримся: если в случае чего мы потеряем друг друга из вида, мы должны написать в редакцию «Totuus». Пусть она будет центром нашей связи.

Немного о себе. Живу всё по-старому: пока что жив, здоров, невредим, бодр. Самочувствие – хорошее. Настроение – такое же. Ничего нового и существенного за последнее время в личной жизни не

случилось. Правда, произошли некоторые изменения, но они в основном служебного порядка, так что о них писать не буду, да и не разрешат.

Яша! Ты там вблизи жизненных центров нашей республики. Напиши мне, что там нового. Честное слово, я соскучился по родным лесам.

Здесь, конечно, тоже неплохо. Уже настоящее лето. Всюду зелень, погоды ясные и жаркие. Словно как на курорте или на даче. Одно плохо – война. Да ничего. Дождемся и победы. А все же свою Карелию я не обменял бы ни на что, даже на лучшие периферии США.

Да, еще один вопрос. Где сейчас Гуттари? Он почему-то ничего не пишет... Так, кажется, все на этот раз. Знаешь, я так рад, что даже не нахожу, о чем писать. Буду ждать ответа и твою фотокарточку. Пиши, не забывай. Крепко жму руку.

С приветом, твой друг Николай.

Р.С. А встретимся мы с тобой обязательно. Я тоже думаю так. Да, черт возьми, кто же водку-то будет пить за победу, если кого-нибудь из нас не будет. По крайней мере – надо твердо думать, что встретимся.

Открытка от 6 июня 1943 г.

Здравствуй, дружище!

Много писать некогда. Больше мне не пиши по старому адресу, пиши только по адресу, который найдешь в конце этой открытки.

Пока что живу по-старому: жив, здоров, бодр.

Всё. Потом напишу подробнее. Жду твое фото. Передай привет всем от меня и от Нуутинена и Еминена. Будь здоров и счастлив. Крепко жму руку. Твой Николай.

Письмо от 3 июля 1943 г.

Здравствуй, друг мой дорогой Яша!

Получил твое письмо, и как будто гора с плеч свалилась. У меня было в эти минуты очень подавленное настроение, хотя к этому особых причин нет. Но сам знаешь, бывают моменты, когда всякая пакость голову омрачает. Но теперь это прошло, как ружью сняло. Вот что значит иметь хорошего друга.

Получив письмо, решил сразу же написать ответ. Я очень рад за тебя, Джек! Твои успехи на литературном поприще радуют меня как ничто другое. Да и понятно, когда знаешь, что юношеские грезы, недоспанные ночи и горячие вдохновения, правда, иногда и за стаканчиком вина, не прошли даром, что в нашей среде вырастают цветочки, не просто радующие глаза, но и душу. С горячим нетерпением жду твоего сборника.

Сам я сейчас почти ничего не пишу. По горло занят

другими делами. Жаль, что я не мог присутствовать на съезде писателей. Может быть, это вдохновило бы и дало бы какой-нибудь толчок. А в таком толчке, в толчке очень серьезном, я нуждаюсь. Конечно, отсюда бы отпустили, хотя с грехом пополам.

За фото большое спасибо, дружище. Смотришь и думаешь, сколько изменилось всего, какие волнения, радости и лишения пережиты после последней встречи – просто трудно поверить самому. А что надо еще пережить до первой следующей встречи? Трудно сказать. А я знаю одно – наша встреча должна состояться, хотя бы для этого надо переступить порог смерти. А во встрече убежден и верю в неё. Потому что хочу её.

Так-так! Значит, и ты направляешь свой торжественный шаг в уют отцовской каморки. Замечательно! Поздравляю тебя от души с будущим счастьем. Всё идет очередно. Ведь и мы с тобой, причем не так давно, были детьми. Пора и нам взяться за работу, уступить дорогу новому поколению – нашим же детям. Впрочем, Яша, по опыту своему скажу – семейная житуха, черт возьми, довольно шикарная. Хотя, это уже в ухо – я чуть-чуть, может быть самую малость, разочарован в ней.

Говорят, когда друг женится, он уже потерянный человек (Мопассан). Ну, нет! Давай-ка мы, Яша, дадим друг другу слово, что бы ни принесла семья с собой, какие бы грани она ни пыталась ставить, мы с тобой будем верны своей дружбе до конца. А своих жен можно приучить к этому. Задача, думаю я, не очень трудная.

Два слова о себе: живу и работаю по-старому. Ничего особенного, о чем стоило бы писать, не случилось. Здоров, бодр, уверен в победе как никогда. Письма от своей матери и сестры получаю. Они у меня в Кировской области. Жинка тоже пишет. Яшутка! Помнишь, как мы ходили на танцы на Каменку? Эх, золотое было времечко! Вспомнишь, и хорошо. И весело становится.

Да в письме все равно не сумеешь пересмотреть весь пройденный путь. Поэтому кончаю. Будь здоров и счастлив, друг мой. Желаю тебе успеха во всем. Пиши. Жду. Жму твою руку крепко-крепко. С большим приветом, Николай.

Письмо от 29 сентября 1943 г.

Дорогой друг Яша!

Прости меня, что так долго молчал. Но это произошло не по моей вине. Во всем виновата служба, а на нее нельзя роптать, особенно во время войны. Просто обстановка а также дела, которые я выполнял, сложились так, что я не имел ни малейшей возможности чиркануть тебе.

Твою книгу получил. Очень и очень благодарю тебя и радуюсь твоим успехам, дружище. Я прочитал ее в первый же вечер. Рассказы твои замечательные, особенно хороша в них простота, задушевность изображения партизан наших лесов и их борьбы. Среди них много и моих знакомых.

Когда я прочитал книгу, её попросил у меня Ниemi Вилхо (ты должен знать его по институту), он служит вместе со мной. И мы очень крепко дружим с ним. Я, конечно, дал. Книга была у него в кармане, когда он был на выполнении одной боевой задачи. Машина, на которой он работал, взорвалась, и всё имущество его было выброшено в реку. Только благодаря счастливой случайности он сам остался жив и невредим. Но книга пропала, как ни жаль.

Яков! Надеюсь, что ты не будешь винить меня, а оставишь один экземпляр для меня, чтобы потом, после войны, когда встретимся, вручить его мне с поднятым стаканом настоящей русской горькой.

Так, несколько слов о себе. Только вчера вернулся к себе, а сегодня решил в первую очередь написать письмо тебе. В основном в жизни моей все осталось по-прежнему: жив, здоров, бодр, изредка влюбляюсь, но это ненадолго, так себе мимоходом. А пока что остаюсь верным своей законной, хотя последние события и вести заставляют меня, и крепко заставляют, сомневаться в ее верности.

Ребята наши, как Нуутинен, Еминен, Ниemi, Викстрем (если их можно называть таковыми), живут тоже по-старому, устраивая иногда в свободные минуты шахматные турниры. Но свободного времени мало. Каждая минута идет в спешной и напряженной работе.

Вот в основном всё то, о чем я хотел писать сегодня. Буду с нетерпением ждать ответа. Пиши подробнее о своей жизни и дальнейших планах на поприще литератора. Как у тебя развиваются дела «семейные»? Скоро ли тебя можно поздравить с повышением в ранг папашей?

Так, прими мои приветы и наилучшие пожелания во всем. Будь здоров и счастлив. С боевым приветом, твой друг Николай.

Письмо от 17 ноября 1943 г.

Дорогой друг Яша!

Я опять решил написать тебе несколько слов о своей жизни, хотя ты ничего и не пишешь мне. В чем дело? Ты, наверно, либо очень занят, либо просто позабыл черкнуть о себе своему другу.

Праздники провел, можно сказать, замечательно. Два вечера танцевал чуть ли не до упаду со своей любимой девушкой. А это – редкость в наших условиях. Водки не пил, пока Вилхо не вернулся с выпол-

нения боевого задания. А потом 14 ноября мы вдвоем тюкнули малость и немного повеселились.

В семейной жизни у меня крах. Жена, которая служит тоже в армии в Карелии, писала, что у неё не хватило выдержки ждать и согрешила с каким-то арапом. Ну, черт с нею. Ведь и старая сучка свой хвост поднимает при виде кобеля. А в её годы это законно. Жалко только дочурки. Одним словом – разошлись как в море корабли. Видимо, по характеру не сошлись.

Сейчас, конечно, не время думать об этом. Имеются более серьезные дела – победить надо, а там разберемся.

Стихи пишу для себя и на русском языке. Их характер – лирика фронтовика, вроде следующего: «Снова вечер багряным закатом пробудил уж забытую страсть, и в душе очерстевшей солдата вновь зажег непонятную власть» и т.д. Получается ничего, но только для себя...

Ну а ты что делаешь, каким творением можешь порадовать меня? Пиши, не забывай, у тебя под собой твердая почва и со временем ты будешь радовать не только своих друзей, но и свой многострадальный народ. Эх, Карелия, Карелия! Подумаешь, и сердце обливается кровью. Как мы смели оставить её на растоптание врагу – этой паршивой своре шюцковцев?! Попадись мне на глаза хоть одна сволочь из этой шайки, я бы зубами выгрыз его горло. Вот, Яша, воспитывай ненависть, жгучую ненависть в наших сердцах. Это – твой долг.

Ну, пиши, друг. Будь здоров и счастлив. С сердечным приветом, твой друг Николай.

Открытка от 18 ноября 1943 г.

Джек! Старый дружище! Получил твою открытку. Спасибо. Но почему ты так мало пишешь? В чем дело? Ты даже забыл ответить на мое последнее письмо. Пиши. Я жив, здоров, бодр. Желаю тебе успехов в работе и в жизни. Жму руку. С приветом, друг твой Николай.

Письмо от 16 декабря 1943 г.

Привет, Яша!

Да ты сразу не нападай на меня – окончательно я еще не успел рассердиться, да и не питал в себе такого желания. Но малость – да! Я же не знал, в чем дело, и думал, что ты махнул рукой на письма. А как хорошо, что это не так!

Я тоже тут малость путешествовал и только что вернулся к себе, отдохнул немного и, как видишь, начал писать письма.

Мое дело – это такое, что много о нем не напи-

шешь. Его можно охарактеризовать буквально несколькими словами – все в порядке, все по-старому.

В личной жизни тоже ничего «блестящего» нет. Пока что жив, здоров, бодр. О будущем в отношении «личного я» много думать не приходится. Это – не дело служаки в военное время. Грядущее само покажет себя.

Ну, проще сказать, живу ничего, обыкновенной жизнью военного человека, причем сугубо военно-го. День уходит в делах, в свободное время выдерживаю «атаки» майора Нуутинена на шахматной доске и, надо сказать, с неплохими успехами.

Готовлюсь потихонечку к встрече Нового года. В прошлом году я встретил это дело неплохо. Надеюсь, что стукну «малость»... этой живительной жидкости. А как я уважал её в былые времена! Но теперь почти совсем не пью. Почему? Думаю, что тебе известна причина. Вот когда ты будешь встречать 1944, не забудь ровно в 24.00 поднять поздравительный тост. Точно в это время я выпью за твое здоровье. И получится вроде того, что мы вместе празднуем.

Я пишу письмо, а друзья слушают патефон. Чертовски чудная пластинка «Пламенное сердце». Вот мое сердце взяла и уехала в Ленинград (это – новая, а прежнюю я совсем, совсем забыл, по крайней мере пытаюсь забыть). А я – один. Она была для меня замечательный товарищ, настоящая подруга. Если ничего не случится, то ты, Яша, имеешь возможность посидеть на почетном месте после войны – это в свадебный вечер.

Ты, Яша, меньше грешь с девушками и если думаешь начать серьезное дело, обдумай хорошенько. Я в свое время был настоящий дурак, да что поделаешь. Видно, увлечение к бабам у меня в крови...

Ну, друг мой, еще раз горячий привет тебе. Поздравляю тебя с наступающим Новым годом и желаю тебе в этом новом году наилучших успехов и радости, наибольшего счастья в работе и жизни. Пусть этот год будет годом нашей долгожданной встречи. Привет Вейкко и всем остальным.

С самым сердечным приветом жму твою руку. Твой друг Николай.

Письмо без даты

Использую момент и пишу пару слов. Первым долгом – горячий привет тебе, друг мой, и наилучшие пожелания в твоей жизни и работе. Передай привет Мелентьеву, Никитину, Эрвасу, Айрола и всем ребятам, друзьям и знакомым.

Живу по-старому. Работа идет ничего. Правда, немного скучаю по старым друзьям и родным, которых я не видал уже скоро пять лет. Немного

скучно, хотя девок здесь до черта, да я смотрю на них с какой-то грустью, смешанной наполовину с отвращением. Конечно, не все из них достойны этого, но вся беда в том, что этих «достойных» слишком много. Ты сам должен иметь представление об этих кокетках.

Пока что жив, здоров, бодр. Винца почти не пью. Однако питаю надежду, что при первой нашей встрече, а она обязательно состоится, если только который-нибудь из нас не превратится в прах, мы с тобой вспомняем былое не одним бокалом этой животрепещущей жидкости.

Пиши, Яков! Не забывай о фото. Я жду его с нетерпением. Пиши подробнее о своих похождениях. Еще раз привет всем.

Ну, друг, будь здоров и счастлив. Жму сердечно твою руку. С приветом, Никола.

Письмо от 9 января 1944 г.

Дорогой друг Яша!

Только что вернулся к себе и получил твое письмо, которому очень радовался. Был у своей кошечки и также посетил ее мамашу. Поэтому сейчас чувствую некоторую усталость, вполне понятную тебе. Дела у меня с ней идут превосходно. Это не девушка, а прелестнейшее создание, украшенное всеми существующими и несуществующими благами человеческого достоинства и чести. Я же влюблен по уши; минуты, проведенные с нею, являются для меня самыми счастливыми. Ты не думай, что это – бредни влюбленного дурака. Далеко нет. Я имею в этих делах довольно богатый опыт и говорю это от чистого сердца.

Новогоднюю встречу провел в основном неплохо, хотя и скромно. Ровно в 12.00 выпил рюмочку за тебя. Потом еще несколько. Коллектив был довольно хороший. Спели вполголоса несколько песенок, а затем легли спать. Без танцев и без кино. По-фронтовому. Однако все с надеждой, что 1945 год мы встретим вместе, в своем кругу. А как я жду этой встречи! Черт возьми, это моя заветная мечта. И тряхнем же мы с тобой стариной! Как ты думаешь?

В основном житье-бытье мое идет без особых затруднений, по-старому. Пока что жив, здоров, бодр. Некоторое время тому назад получил еще одну звездочку. Условия жизни в смысле питания и одежды превосходные. Лучшего нельзя и желать в военное время.

Спрашиваешь, почему я ничего не пишу для «Тотуус». Видишь ли – дел очень много. Каждая минута поглощена службой. Материала было бы уйма, но совсем нет времени. Стихи и то пишу от

случая к случаю и все для себя или для своей души. Вот одно из этих стихотворений:

*Не суметь мне в стихах старомодных
Петь любовь, умоляя, грозя, –
Жизнь и песни – другие сегодня,
Да другим стал, наверно, и я.
Но ведь ты приказала мне взяться
За забытые рифмы опять,
Ну а я – я привык подчиняться,
Не умея других подчинять.
Я не верю старинным приметам,
Чтоб вернуться с дороги вспять.
Ты пойми, не затем тебя встретил,
Чтобы снова тебя потерять.*

Характер большинства стихотворений (их очень немного), написанных мною в последние годы, именно таков.

Кто из наших поэтов и писателей находится в Беломорске, разумеется, из знакомых мне?

Вот в основном все то, что я хотел написать сегодня в этом письме. Горячий привет тебе и наилучшие пожелания тебе, Яша. Привет от нас всем работникам «Тотуус». Будь здоров и счастлив. Крепко жму твою лапу. Коля.

Письмо от 14 сентября 1944 г.

Дорогие друзья Яков и Вейкко!

Пишу сразу вам обоим с уверенностью, что который-нибудь из вас получит это письмо. Первым долгом – горячий фронтовой привет вам обоим и всем остальным, кто сколько-нибудь знает меня.

Друзья! В чем же дело, почему вы ничего не пишете? Неужели забыли своих приятелей на фронтовых путях-дорожках? А?

Я тоже уже давно не писал вам, но только потому, что не получал от вас ответов.

Как я живу? Коротко – по-старому, ничего. Пока что жив, здоров, бодр, а это – самое главное для военного человека. Конечно, за это время очень многое изменилось. Во-первых, я был ранен, но ничего – выжил и опять в строю. Дальше – наступление, много невзгод, много радостей, – вот вереница событий, пережитых мною за последнее время.

Погиб Еминен М. И., но об этом вы, наверно, знаете. Мы теперь уже не вместе с Вилхо. Впрочем, подробно я напишу обо всем, только получив от вас ответ. Пишите всё о своих творческих дерзаниях и т.д. Как Петрозаводск? Крепко жму ваши руки. Ваш искренний друг Николай.

Письмо от 24. 10. 44

Здравствуй, друг мой Яша!

Сегодня, вернувшись к себе из длительной командировки, я наконец получил твое письмо и решил сразу же написать ответ. Твое письмо путешествовало бог знает где месяц с лишним, я за это время успел дважды поменять свой адрес. Удивительно, но все же хорошо, что письмо твое все-таки дошло до меня.

Несколько слов о себе: жив, здоров, бодр, т.е. всё пока что идет по-старому, без каких-либо существенных изменений. Работы сейчас, можно сказать, не очень много, потому что свое дело мы сделали уже во время наступления. Теперь – додольваем. Я пока что нахожусь на старом месте. Работа моя тоже прежняя. Однако, откровенно говоря, я сейчас был бы не против вернуться назад в Карелию. Жалко, что пока что этот вопрос неразрешим. Петров Юкка находится сейчас в Хельсинки. Наши ребята уже получили от него письма. Он доволен и своей работой, и своей жизнью.

Я очень доволен твоими успехами на литературном поприще. Давай, Яша, дуй до горы! Впрочем, мысль твоя – показать нашего карела во всем величии его духа – очень хорошая. И на самом деле, ведь еще никто по-настоящему не давал в художественной литературе правдивого типа карела, советского человека, и если тебе это удастся, это будет большое дело.

Сам я совсем отстал от этого дела. Как ни обидно, но это факт. Виноваты в этом – война, среда, обстановка и характер работы, которую я проводил. Я очень давно ничего не писал, даже для себя, не говоря уже о печати.

Жинка моя живет ничего, она находится у себя в Ленинграде, и я время от времени навещаю её. В последний раз я был там с 11 по 17.10. Время провел очень хорошо и весело, встретился со своими ребятами, которые подробно рассказали мне о Петрозаводске.

Вот, Яшутка, и все то, о чем я хотел было написать сегодня. Буду ждать ответа. Передай мой горячий привет всем знакомым, особенно Вейкко, Пертту, Элма и др. Что же Пекка совсем забыл меня? Крепко жму твою руку, желаю успеха, удачи и счастья во всем. Твой друг Коля.

* * *

Письма Н. Гиппиева своему другу Я. Ругоеву раскрывают стойкость и цельность души поэта-воина, жизненность тех корней, которые питали

его нравственную природу. Характерно – Н. Гиппиев в силу цензурных требований ни разу не раскрывает суть своей ратной деятельности, но из упоминания об убитых и раненых его товарищах становится очевидным, насколько опасной была его воинская «работа». При всем том в своих письмах Н. Гиппиев остается естественным, обыкновенным, земным человеком, с раскованной откровенностью делящимся со своим другом и своей тоской по «малой родине», и мыслью о нерасторжимости живых и мертвых, и своим отношением к женщинам, к любви. В письмах Я. Ругоеву Н. Гиппиев дает выход всем своим чувствам, а это возможно только при полном доверии к адресату, убеждении в его совестливости и человечности. Судя по тексту писем, Я. Ругоев отвечал с такой же безоглядной искренностью и сердечностью.

Переписка Я. Ругоева военных лет, представленная в его личном фонде в НА РК, содержит многие десятки писем, из которых складывается облик поэта-бойца, чуткого ко всему, что делает его сыном родной земли. Он старался ответить на все письма, которые получал от друзей, родных и близких, но времени катастрофически не хватало и случались задержки с ответами, о чем с укоризной писали Я. Ругоеву его корреспонденты. Им порой трудно было представить загруженность Я. Ругоева повседневной журналистской работой, общественными поручениями, многочисленными командировками. А ведь надо было выкроить время и для творческой работы, в том числе для подготовки к изданию своей первой книги, на которую Я. Ругоев возлагал большие надежды.

Книга «Kosto» («Месь») объемом 2,4 печатных листа и тиражом 2000 экземпляров была подписана к печати 16 июня 1943 г. и имела подзаголовок «Очерки и рассказы о карело-финских партизанах». По замыслу издателей, эту карманную размером книжечку можно было без труда захватить с собой в партизанский поход, прочитать у костра и наутро пойти в бой под впечатлением от прочитанного. Перед автором была поставлена задача – насытить содержание книги, с одной стороны, чувством жгучей ненависти к оккупантам, а с другой – чувством восхищения мужеством партизан, что должно было вдохновлять бойцов на ратные подвиги. Отсюда и композиция книги, состоявшей из трех разделов. В первом из них были опубликованы короткие, в одну-две странички, корреспонденции о партизанских свершениях: разгроме вражеской автоколонны, успешных нападениях на карательные отряды захватчиков. Рецензент А. Тимонен сравнил эту часть книги с официальными сводками Совинформбюро и упрекнул автора в сухости и газетной непривлекательности текста.

Во второй раздел книги вошли пять очерков, характерных разворотом в сторону раскрытия жизнестойкости народного характера, духовной красоты идущих в бой партизан (сюда вошел очерк о санитарке Усте). И, наконец, последний раздел был составлен из трех рассказов и открывался рассказом «Kuula» («Пуля»), текст которого повторял написанный в сентябре 1942 г. рассказ «Слабость врача Л. и упрямство партизана Н.».

Впрочем, и весь составленный в январе 1943 г. и опубликованный через полгода сборник очерков и рассказов представлял собой сумму написанных (порой наспех) в партизанском отряде в течение 1942 года произведений разного жанра, и в этом отношении отражал «вчерашний» день в становлении писателя. Ведь он уже мечтал начать работу над трилогией о судьбе молодого человека, строил большие творческие планы. Так что выход книги хотя и был для него праздником души, но не отвечал стремлению достичь гораздо большего. Позднее, уже став известным писателем, Я. Ругоев лишь мельком упоминал первую книгу в списке своих произведений, а в беседе с П. Виртаранта дал ей невысокую оценку: «Теперь, когда прошли десятки лет, я думаю, что книжка получилась не ахти какая»⁴.

Что же касается мнения первых читателей книги «Kosto», то оно достоверно изложено в процитированном выше письме Н. Гиппиева от 29 сентября 1943 года, в котором он особо отметил «простоту, задушевность изображения партизан» и рассказал о случае, когда книга, взятая разведчиком в опасный рейд, стала невольной участницей выполнения боевой операции. Книга «Kosto» нашла благодарную читательскую аудиторию, в полной мере отражая «моральную силу и душевную чистоту наших солдат, их уверенность в победе, их ненависть к врагу»⁵.

Издав прозу военных лет, Я. Ругоев вернулся к замыслу издать цикл стихотворений «У партизанского костра» и тем самым реализовать давнюю мечту о книге своих стихотворений. Когда-то, в 1940 году, работая учителем в Ухте, он послал в журнал «Пуналиппу» (главным редактором работал Армас Эйкия, заведующим отделом поэзии – Вейкко Эрвасти, его однокашник по учебе в учительском институте) целую пачку стихотворений. Затем в Петрозаводске состоялась встреча молодого поэта с А. Эйкия, который буквально разгромил присланные в журнал стихи. «Вероятно, он был прав, – вспоминал этот случай Я. Ругоев в беседе с П. Вир-

⁴ Виртаранта П. Этюды о карельской культуре. Петрозаводск, 1992. С. 182.

⁵ Саксонов Л. Так рождается песня // В бой за Родину. 1944. 27 сент.

таранта, – но такая критика меня крепко ошеломила, и после этого я не посылал свои стихи в «Пуналлиппу». На этот раз Я. Ругоев решил познакомить с «партизанскими» стихами Т. Гуттари, вернувшегося в Беломорск и активно включившегося в составление поэтического сборника «Песни любви и ненависти». В рукопись вошли стихи военных лет А. Эйкия, В. Эрвасти, Я. Ругоева, Л. Гренлунд, Т. Гуттари и некоторых других поэтов. Но из-за отсутствия надлежавшей полиграфической базы в Беломорске этот сборник в 1943 году так и не был издан. Впрочем, Яакко не слишком переживал эту историю, поскольку в личной беседе Т. Гуттари высказал ему очень серьезные претензии к содержанию и форме «партизанских» стихов и не рекомендовал их публиковать без доработки.

Тогда Я. Ругоев предпринимает вторую попытку (первая была до войны) освоить жанр драматургии и делает наброски к пьесе под условным названием «Юкения вышла замуж» (комедия в... действиях). Судя по многоточию в подзаголовке, сам автор еще не определил, сколько действий будет в пьесе, но решил, что героями станут его ровесники, молодые люди, и в военную пору размышляющие о личном счастье. Действие происходит в Беломорске, где герой пьесы Яша встречается с девушкой по имени Женя. Яша – прагматик и скептически относится к сентиментальным размышлениям девушки о возвышенной любви:

«Первое действие.

Женя: Ах, как мне скучно. Был бы Вася здесь! Больше никого я не люблю, кроме него. Я век буду ему верна.

Яша: Сомневаюсь. Люди, которые много говорят, обычно совсем другое делают.

Второе действие. Первая картина. Улица города Беломорска. Идут Яша и Анатолий.

Анатолий: Слушай, Яша. Ведь Женя замечательная девушка.

Яша: Да, безусловно, но мне кажется, что все женщины девушками очень хороши.

Женя (сердится): Как ты смеешь? Как тебе не стыдно думать так обо мне?!

Яша (почесывает голову и уходит): Разве я ошибался, ведь она же женщина, а среди них трудно найти исключение.

Женя (начинает петь сентиментальную песню):

Набросав эти несколько строк, Яакко не стал продолжать работу над пьесой. Газетная текучка всё сильнее затягивала его в свою пучину, не оставляя ни времени, ни сил для творческой работы. Он лишь

пытался так спланировать свои командировки, чтобы чаще бывать в родных местах:

«20 октября 1943 г. 17-го с почтовой машиной приехал в Хайколя. На дороге встретил ребят из третьего взвода. Они пришли на 120-й километр гоняться за финнами, которые взорвали мост (но неудачно) и несколько телефонных столбов. Несколькими днями раньше обстреляли машину, ранили Ф., она сейчас в госпитале. 18-го ходил в Хайколя с Пеккой. Сандра угощала свежей рыбой. Вечером сидели у Устья и толковали на разные темы. 19-го с утра писал, после полудня ходили за ягодами и рыбой. Вечером в гостях у Ирины и танцы – плохие. Сегодня много работы.

Вечером организовал письма ко дню 20-летия комсомола. Бегал много. Обедал у комиссара. В общем, я сейчас в коммуне с Пеккой. С Пеккой наши характеры как-то не сойдутся – он духом немного постарел, думается мне. Мне это как-то неприятно. Завтра думаю уехать в Шомбу.

24 октября. Шомба. Приехал сюда вечером 22-го. Остановился у Олега в землянке. Ну и землянка! Везде же люди должны жить... Пертту Василию дал рекомендацию в партию. Ауне находится в больнице, сидел немного у неё. Ристо вечером приехал из школы и сегодня поедет обратно. Удивительно теплая и длинная осень в этом году.

30 октября. Приехал в Беломорск 25-го. В планах много литературных начинаний, но время как-то не позволяет – работа. Являюсь секретарем комсомольской организации. В эти дни время надо использовать на изучение книги т. Сталина. Два дня тому назад выпал снег. Если больше не растает, то начало зимы замечательное. Сегодня я дежурю по газете.

1 ноября. Паршивая погода. Наступила оттепель. Грязь, облачно. Гуттари вернул мне рукопись «Elania voittaa». В таком виде не пойдет. Отчасти он прав. Предложил: рассказы – переработать и можно издать отдельно. А остальное снова написать.

Дежурство позапрошлой ночью извело меня. Самая последняя обязанность. Вчера вечером был в кино. Смотрел фильм «Подводная лодка Т-9». Прочитал Э. Синклера «Автомобильный король». От Фени получил длинное письмо, в котором она излагает свои взгляды на наши отношения. Печальная история. Как она не может понять суть дела! Ответил ей письмом. Постарался толковать всё по-хорошему. Не знаю, что выйдет. В конце концов мне её очень жалко, хоть она столько же виновата, сколько и я, даже больше. Сегодня работал над стихотворением «Elania».

3 ноября. Вечер. Сижу один в редакции. В последние дни занимался изучением книги тов. Сталина.

Закончил и сдал стихотворение «Elania». На днях буду читать стихи по радио (28-го выступил с речью по случаю 25-летия ВЛКСМ). Сегодня подготовил материал для 7 ноября. Достал материал о Петре Ремшувее, героически погибшем на фронте. Буду писать о нём стихотворение. От Нику все еще нет письма. Беспокоюсь насчет него. Сегодня погода лучше. Со вчерашнего дня – заморозки. Читаю Р. Роллана «Жан Кристоф», 5-й том. Ночевал у Пекки.

Сегодня получил после долгого перерыва письмо от Айно. Обрадовался очень. Почему-то мне доставляет большое удовольствие переписываться с ней, хотя я её почти не знаю».

Впечатление от нежной, искренней интонации письма от Айно Иогансон в этот вечер совпало с душевным потрясением, которое испытал молодой человек от знакомства с героем романа французского писателя Р. Роллана. Он ощутил внутреннее сходство с Кристофом, одаренным человеком «из низов». Я. Ругоева привлекли свойственная герою романа смелость в решении творческих вопросов, мужество в отстаивании своих идеалов, чистота и целомудренность помыслов. Для молодого Яакко, как и для Кристофа, истина была превыше всего; он тоже деятельно участвовал в земной жизни; не колебался и не отступал в борьбе за великие традиции национальной культуры. Яакко, как и Кристофу, были враждебны люди, которые отрицали в искусстве всё чистое, здоровое, народное; кто иронизировал над верой в идеалы, в истинные чувства человека; кто подкапывался под всё великое, что было в жизни предков: семья, брак, любовь к родине. Письма от своей землячки юной Айно Иогансон (ему так и не довелось с ней встретиться в военные годы) Яакко воспринимал как олицетворение живой силы народа, который, проходя через испытания огнем войны, только закалился, сохранив «очарованную душу».

Хранящиеся в Национальном архиве Республики Карелия письма Айно Иогансон⁶ – еще одно свидетельство притягательной силы личности Яакко Ругоева, чья кристальная честность, человеческое достоинство, героизм и доброта души привлекали к себе таких же людей с чистыми глазами и благородным сердцем.

«Мне жаль той любви, такой искренней, такой нежной»

(Письма военных лет Айно Иогансон – Яакко Ругоеву)

Письмо от 3 мая 1943 г.

Яков, дорогой!!

От всего сердца благодарю за письмо. Спешу ответить сразу же, потому что собираюсь уехать. В Ухте, может, нам с вами удастся встретиться.

Я живу немного южнее вас, в г. Сегежа, правда, не в самом городе, а километра два – ты можешь догадаться... Если тебе придется побывать в Сегеже, то я даже не знаю, как встретиться с тобой. Ведь это не на гражданке. Все же очень хочется повидаться с вами. Но если будете, то на станции по телефону вызовите город, потом № 11 и потом № 12, спросить меня. А если вы на днях будете в Кеми, то заходите по адресу: в/городок, п/я 3, д. 1, квартира 14, там спросите сестренку мою Хельви. А то меня там не знает никто. Как бы было хорошо, если бы мы с вами встретились. Вы понимаете, два года я даже не встречаю ни одного знакомого; за это время я ни одного раза не разговаривала на родном языке; не знаю, мне кажется, что я не могу разговаривать.

Яков, прошу, пришлите мне фото. У меня в настоящее время хорошей фотокарточки нет, я постараюсь в следующем письме прислать какую-нибудь.

На этот раз хватит. Надеюсь встретиться.

До скорой встречи! Любящая вас Айно.

Письмо от 18 мая 1943 г.

Здравствуйте, Яков Васильевич!!

Узнала ваш адрес и решила написать вам несколько слов. С большим опозданием, но все же поздравляю вас с правительственной наградой.

Вы, конечно, не знаете, кто пишет вам это письмо, но я постараюсь припомнить. Это девушка с Ухты с русыми косичками, с серыми глазами, маленькая ростом и с грустным видом. Но если не могли припомнить, могу маленькую фотокарточку послать.

Это письмо мне хотелось написать лишь потому, что я любила вас, переживала и страдала. Когда я уезжала с Ухты, вы на велосипеде перегнали нашу машину, тогда я в последний раз видела вас. Вы не верите, но я очень много думала о вас. Я знала, что вы любили одну девушку, Таню, танцевали часто с ней и провожали домой. Но несмотря на все это я любила вас. И теперь, когда с тех пор прошло два года, я могла вам это сказать. Для вас это неинтерес-

⁶ Письма Ругоеву Я.В. от Иогансон Айно // НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 1235. Л. 2-10.

но, а мне интересно знать каждую мелочь о вас. Вы не думайте, Яша, что я привязываюсь, нет, я не могу быть такой, и тем более мы далеко друг от друга.

Если бы я вас встретила, я бы рассказала вам все, что происходило в моей душе. Мне очень хочется иметь ваше фото, я вас очень прошу – пришлите мне. Больше я вас ничего не могу просить. Напишите мне хотя бы немножко слов, мне очень интересно знать о вашем здоровье, о ваших делах и даже о ваших увлечениях.

Желаю вам счастья и успехов в боевой работе! Крепко жму вашу руку! Айно. Пишите, я очень вас прошу. Мой адрес: полевая почта 10237.

Письмо от 27 мая 1943 г.

Яша, дорогой!!

Я даже не знаю, как отблагодарить вас за письмо. Ответ на мое письмо я получила так неожиданно, просто даже не верится, что это писали вы. Я готова писать вам всегда, если вам эти письма не будут надоедать.

Я уже писала о моих отношениях к вам, но никакие слова, а тем паче бумага не могут раскрыть истинных чувств, которые я питаю к вам.

Для вас, конечно, наша переписка будет казаться настолько безразличной, что вы в скором времени бросите отвечать на мои весточки. Передо мной лежит ваше письмо, которое я перечитываю уже десятый раз. Мне до сих пор не верится, что оно писано вашей рукой.

Опишу немного о моей жизни. Нахожусь я тоже в рядах РККА уже почти два года. Работаю по своей специальности. Вы меня, может, видели в Ухте до войны, я практику проходила около вашей школы на метеостанции. Часто я вас видела, когда вы шли с работы, даже поймала в теодолит и, долго крутя винтами, наблюдала за вашими движениями. Я могу напомнить всё до мелочей. Служба моя идет хорошо. Развлечений особенных нет. Приезжал к нам ансамбль кантелистов, но я что-то Эрика не замечала, может, я даже не узнала его. Пока на этом кончаю. Желаю здоровья и успехов. До свидания! С приветом, Айно!!

Пишите, очень жду.

Письмо от 17 июня 1943 г.

Здравствуй, дорогой Яков!

Во-первых, очень прошу простить меня за то, что задержала ответ. Но дело в том, что ты мне писал, что приедешь 18 числа, ну я так и рассчитывала, что сегодня напишу, а завтра ты приедешь и получишь. А сегодня мне девушки говорят, что вчера звонил

«твой» Яша и ругал за то, что не пишешь. От тебя я получила три письма, то есть одну открытку, одну секретку и одно письмо, конечно, благодарю за все письма.

Ты, кажется, обещал приехать сюда в начале июля. Ты мне сообщи, когда приедешь, а то у меня намечается командировка на юг, т.е. недалеко от нас, но на порядочное расстояние.

Яша, о моих отношениях к тебе я уже говорила, мне все кажется, что я с тобой встретиться не могу. На душе какая-то революция происходит.

Яша, ты прости, я обещала тебе фото, но не могу, вернее не имею такой фотокарточки, которой ты достоин. Будет, обязательно пришлю. Яша, ты пиши, ты знаешь хоть немного, что я из себя представляю, может, я тебе нисколько не нравлюсь.

Жду твоих писем. Желаю успехов всяческих! С горячим приветом, Айно!!

Письмо от 28 октября 1943 г.

Здравствуйте, уважаемый Яков!

Большое спасибо за открытку. Я уже потеряла всю надежду на переписку. Я думала, что просто вы не хотите дать ответа на то письмо, оказывается, вы его еще не получили. Я очень рада, что наша переписка возобновилась. Думаю, что вы не обижены на меня, ибо не за что, ведь я не знала вашего нового адреса, а по старому адресу я писала.

Жизнь протекает нормально, служба тоже. Развлечений особых нет. Я по-прежнему осталась все такая же, с таким же сердцем и с такими же чувствами.

Ну, пока, кажется, всё. Желаю счастья и успехов. Айно!

Пишите, жду с нетерпением.

Письмо без даты

Здравствуй, Яша!!

Неделю тому назад приехала и нашла твое письмо, которое ждало меня уже немало времени, но дело в том, что я целую неделю после приезда лежала в лазарете и до сих пор не могла дать ответ. Тебе должна сказать, что это письмо принесло мне очень много горьких минут, да еще и сейчас при воспоминании о нем мне становится тяжело. Зачем эти упрёки и обида, я, по-моему, не виновата ни в чём. После нашего разговора по телефону я пошла к начальству отпрашиваться в город для того, чтобы встретиться с тобой, а меня – хап! – на самолет и улетела. Мне было очень обидно, но еще обиднее мне стало, когда ты мне пишешь, что я как будто встретиться с тобой не хотела... Ты, может, будешь обижаться, почему я оттуда не писала. Ну, к этой те-

*На фото слева направо:
Н. Гунтиев, Агеев, Я. Ругоев. 20.11.1939*

ме я не буду больше возвращаться, я думаю, ты мне поверишь. Ибо я не намерена лгать.

Моих отношений к тебе ничто не изменит. Карточку, которую ты мне прислал, я храню в левом кармане и часто в свободные минуты достаю её и долго смотрю. Она очень маленькая, но как она мне дорога.

О себе могу сказать несколько слов. Вчера только выписалась из лазарета. Опять принялась за свое служебное дело, а когда работаю, дней и часов не ощущаю, они бегут мимо, как отдельные облака при сильном ветре. Лето прошло очень плохо. Даже к родным не выберу время съездить.

Ну, еще раз прошу, Яша, не обижаться на меня. Извини, если я в чем-нибудь виновата. Будь здоров и бодр! Крепко жму твою руку, Айно!

Ну, дорогой, отвечай скорей, жду!

Письмо от 24 августа 1944 г.

Здравствуйте, Яков Васильевич! Большое спасибо за письмо. Я очень рада, что наша переписка возобновилась. Вы обижаетесь, что я не писала долго, и думаете, что все это было шутя. То, что я писала, была истинная правда, я даже не помню, как я могла вам все это открыть. Я любила вас, я очень много думала, мечтала и переживала. Всё это я хотела забыть, ибо вы меня не знали и от вас я взаимности не могла получить. Я даже не надея-

лась получить ответ на мое первое письмо. Все это забывается, все же прошло уже три года. Я была тогда

совсем другая, тогда мне было всего 17 лет. Я не могла признаться вам, все это было еще детство. Как хотелось бы быть опять такой же застенчивой, глупенькой девчонкой, не знать никаких забот, думать только о том, как бы встретиться с тем человеком, которого я так нежно люблю. Яша, все это было так, мне очень жаль той любви, такой искренней, такой нежной. Я даже не знаю, как я встретила бы вас, как мои чувства, может, они совсем остыли. У вас, конечно, ко мне не может быть никаких чувств. Поэтому я считаю, что наша переписка и наше знакомство будет только товарищеское. На меня обижаться вы не можете.

Живу я на старом месте. Работа идет хорошо. Если приезжать будете, звоните, я встречу. Живу я, конечно, как человек военный, скоро все это кончится, будет хорошо. Ну, пока и всё! Будьте здоровы! С приветом, Айно. Пишите.

Письмо от 28 сентября 1944 г.

Здравствуйте, Яков Васильевич!

Благодарю за ваше письмо. Простите, что я пишу на русском языке, я уже подзабыла родной язык. Попробовала, но ничего не получается. Я очень рада, что вы меня не забываете, т.е. пишете мне. Фо-

токарточку получила, за что большое спасибо. Но на этот раз не могу вам выслать, ибо у меня нет. Вы только, пожалуйста, не обижайтесь, я это честно говорю, т.е. пишу, что у меня сейчас не имеется фото, будет, сразу вышлю, а может, вы меня скорее увидите, чем фото. Мы собираемся ехать, но точно еще не знаю куда; если мимо вас, то обязательно забегу, только я могу при встрече растеряться. Всё это чепуха, только очень хочется увидеть вас. Настроение чемоданное, даже писать не могу. Не теряю надежды на встречу. Пока всё. Желая здоровья!

Пишите, жду очень!

Письмо от 15 октября 1944 г.

Здравствуй, Яков Васильевич!

Спасибо за письмо, ответ пишу сразу. С вашего письма я вижу, что вы не получили моего письма, где я сообщала о получении фотокарточки. Большое спасибо за фото, я вашу просьбу не могу удовлетворить, ибо у меня в настоящее время нет карточки и не могу нигде сфотографироваться... Пока все еще остаемся на старом месте, ждем вагонов, не знаю, может, долго еще будем здесь, так что просто не знаю, как быть. Если вы даже будете здесь, то телефоны сняты все. Если будете здесь, то назначьте число, время и место, где могу я вас встретить... Всё получается как-то ненормально. После того вечера, когда я видела вас в кино, я несколько вечеров подряд ездила туда же, но больше вас там не встречала, и почему-то очень скучно после всего этого. Ничего, мы обязательно должны встретиться. Вы очень мало пишете о своей жизни. Как чувствует себя Петрозаводск? Я не могу представить, каким он стал. Я некоторое время прожигала на улице Луначарского, недалеко от парашютной вышки. Пишите больше о себе. Пока кончаю на этом. Будьте здоровы! Жму вашу руку! Айно.

* * *

Письма Айно Иогансон Яакко Ругоеву раскрывают рождение взаимного понимания людей, оказавшихся на разных берегах войны. Для Яакко были очень дороги нежность, беззащитность девушки из Ухты, не утратившей в себе стыдливое, женственное, что составляло самую пленительную сторону её характера. Её письма помогали ему выдержать нечеловеческое напряжение войны, сохранить возвышенное отношение к женщине. Письма Айно полвека бережно сохранялись в личном архиве писателя как свидетельство порядочности и человечности, высокой народной нравственности.

«Жизнь – самый хороший учитель, – размышлял

Я. Ругоев. – Чем больше запомнишь уроков жизни – тем ты богаче. Жизнь народная – беспредельна в своих мудрых проявлениях»⁷. Получаемые им письма были одним из каналов связи с жизнью человека в тылу и на войне. Но этого неумолимо на впечатления молодому журналисту было явно недостаточно. Работа в газете вскоре стала утомлять его однообразием будней, невозможностью в заказанных редактором репортажах выразить личное отношение к увиденному, обогатить жизненный опыт, реализовать творческие замыслы. Всё чаще в его дневнике он пишет о своем желании оставить работу в газете и вернуться в партизанский отряд. А пока он вновь и вновь спешит уехать в командировку в родные места:

«20 ноября 1943 г. Приехал в Ухту вчера ночью в пять часов. Остаток ночи провел у Пекшуева Василия. Ночевал у Пекки. Организовал хороший материал. Делал снимки.

23 ноября. Приехал с передовых снова поздно вечером. Моя командировка в Хайколя в основном закончена. Материал для придуманных мной полос – «Мы из Калевальского района» – собран. Это была одна из лучших моих командировок. В редакции дивизионной газеты «На боевом посту» меня приняли очень хорошо. Жил два дня у разведчиков. Они вернулись только что с добычей, захватили языка – немца, но тот по пути умер. Там я слышал от ребят много удивительнейших историй. Сегодня и завтра буду у партизан.

7 декабря. Вечер. Сижу в редакции. Здесь буду ночевать уже третью ночь. К Э. приехала семья – комната переполнена. В эти дни подготовил полосу о калевальцах. Канитель с фотоснимками. Ничего более ценного не писал. Получил письма от Фанечки и Н. Гиппиева. Несколько слов о поездке. 25 ноября приехал в Шомбу, 26 – в Панозеро. Ауне больная. Ристо ходит в школу, мама работает на кухне. Ходил в баню, вечером на концерт. Приехали шомбинские «артисты». Сила чувствуется, но подбор номеров неудачный. В программе – ни одного национального номера. Хотя аудитория – карелы. Как и «актеры». Чувствуется, что молодые люди чуждаются своей национальной песней, плясками. Стыд, позор! Некому взять в крепкие руки.

Провел в Панозере 26, 27, 28, 29. 30-го приехал в Шомбу, на свой риск захватил с собой Ауне. 1-го выехали с Шомбы на военном автобусе, по пути познакомился с майором Няркиным. 2-го утром приехали в Беломорск. Ауне чувствует себя плохо. Через Наркомздрав устроил её в городскую боль-

⁷ Ругоев Я. Материалы к биографии // НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 683. Л. 39.

ницу. Каждый день хожу к ней. Сегодня она чувствует себя гораздо лучше. Её отправляют в Надвоицы в туберкулезную больницу. У Ауне начался процесс в легких. Некрасивая вещь. Архангельская поездка и невыносимые условия Авнепорожской школы (больного ребенка заставили босиком ходить осенью по ягоды, по утрам по замерзшей земле умываться в реке, вдобавок неважное питание) сделали свое дело. Чёртова жизнь!

Чувствую себя довольно одиноким. В отряде хоть и тяжело, хоть и лишения, но там был солдатом, горькой солдатской жизни не жалуешься, там же товарищи, там же друзья и беспечность человека, идущего завтра на смерть. Там уже знал: солдат так солдат – той точки и держись, а тут «ни рыба ни мясо».

После приезда с В. Тайпале (он приехал со мной и уехал в 4 часа) ходили сегодня в кино «Мечта» на комедию «Лгунья». В последнее время прочитал: Груздев «Горький». В панозерской библиотеке достал книгу о Льве Толстом – пасквиль на великого писателя («Лев Толстой как столп и утверждение попощины»). Всякую дрянь люди выдумают.

Сегодня был в горсовете насчет квартиры. Ничего определенного не сказали. Узнавал и в другом месте, но с одинаковым успехом. А так с работой ничего не выйдет. Только золотое время уйдет, и невозвратно.

15 декабря. Только что закончилось партсобрание. Меня принимали в партию. В своём заявлении я писал: «Для меня одна-единственная дорога – всем возможным: знаниями, силами, жизнью помочь быстрейшему разгрому ненавистных фашистских полчищ. Хочу идти по этой дороге коммунистом».

В последнее время я очень расстроен – нахо-

жусь без квартиры. Уже две недели сплю в редакции, ни разу не ходил в баню. Вдобавок к этому несогласие по многим вопросам с редакционным начальством, которое для меня ничего полезного не сулит. Написал уже рапорт, чтобы меня освободили из редакции и направили обратно в партизанский отряд. Но знаю: получится скандал, и сразу после вступления в партию это совсем некрасиво. Но мне место сейчас – в отряде. В нынешних условиях я ничего путного создать не имею возможностей, а там принес бы больше пользы.

Сегодня ходил в магазин – купил лыжи. Неважные. Писем ниоткуда нет. Ауне позавчера перевели в Надвоицы, даже не предупредив меня. Полоса о калевальцах готова (вернее, две полосы). Но опубликование отодвинулось еще на 21-е. Странности редактора и секретаря.

31 декабря 1943 г. М. И. слишком старается не вмешиваться в жизненные интересы своих подчиненных. За всё время просил у него только три вещи: дополнительный паёк, оружие и квартиру. И ни по одному вопросу он не соизволил содействовать по своим возможностям.

Сегодня поеду к своим друзьям – журиховцам. Буду там дней 10-12. Заеду, очевидно, к маме. Вчера получил письмо от Тимо – он тоже, оказывается, в армии. Неделю тому назад смотрел «Нору» – постановка ФДТ – прелестная вещь. Почти ничего не читаю. Нет настроения. Думаю, в командировке могу стряхнуть с себя это унылое состояние и после приезда включиться в настоящую работу – закончить, вернее переделать, сборник фронтовых рассказов, написать поэму «Ремшу» и начать работу над «Ravelan komhailla».

Фото предоставлены автором

Юрий Иванович ДЮЖЕВ.

*Литературовед, литературный критик,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник*

*Института языка и литературы Карельского научного центра РАН.
В результате многолетней работы Ю.И. Дюжевым были подготовлены
и опубликованы пять библиографических указателей, четырнадцать
монографий и сборников статей, в которых он вынес на обсуждение
узловые проблемы развития русской литературы Европейского Севера
и дал очерки творчества ведущих писателей региона.*

*Лауреат премии РК в области культуры, искусства и литературы (2002),
лауреат премии «Сампо» Главы РК (2009).*

*Отмечен званиями «Заслуженный деятель науки РК»,
«Заслуженный работник культуры России».*

Член Союза писателей России с 1977 г.

